ДАВИД ШТЕРН

ИСТОРИЯ ТРАГЕДИИ ПАЛЕСТИНЫ

Давид Штерн
История трагедии Палестины

https://litres.ru/74901342
SelfPub; 2026

Аннотация

В книге «История трагедии Палестины» Давид Штерн прослеживает 127 лет конфликта: от последних десятилетий Османской империи и британских обещаний Первой мировой войны до раздела 1947 года, двух интифад, краха соглашений в Осло и войны в Газе 2023-2026 годов.

Автор опирается на рассекреченные израильские и западные архивы, палестинские хроники, решения Международного суда ООН и документы гуманитарных миссий. Штерн не ищет виноватых и не выписывает индульгенций: здесь есть место и британской политике, и израильским военным операциям, и близорукости палестинских элит.

Книга для тех, кто хочет ориентироваться в современной расстановке сил на Ближнем Востоке.

Содержание

Глава 1. Поздняя Османская Палестина и эпоха обещаний (1899-1939) 17
1. Земля под султаном: общество, экономика и первые тревоги 17
2. Война и дипломатия несовместимых обещаний (1914-1922) 25
3. Два общества под одной крышей Мандата (1920-1929) 30
4. Шейх из Хайфы и Великое палестинское восстание (1930-1939) 36
5. Комиссия Вудхеда, Сент-Джеймсский дворец и Белая книга 1939 года 43
Глава 2. План раздела 1947 года и Накба 1948 года 48
1. Война в Европе, тень Холокоста и кризис Мандата (1939-1947) 48
2. От комиссии UNSCOP к Резолюции 181: математика раздела (1947) 53
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Давид Штерн
История трагедии Палестины

Введение

Весной 1899 года из Стамбула в Париж ушло частное письмо, которое сегодня читается как пролог ко всему следующему столетию. Его автор, османский политик и бывший мэр Иерусалима Юсуф Дия аль-Халиди, обращался к главному раввину Франции Цадоку Кану с просьбой передать эти строки венскому журналисту и основателю политического сионизма Теодору Герцлю. Письмо поражает интонацией, почти немыслимой для позднейшей публицистики. Аль-Халиди называл евреев двоюродными братьями арабов по общему праотцу Аврааму, напоминал о родстве языков и признавал историческую память еврейского народа о Палестине. Но за этим признанием следовал довод практика: судьбы стран определяются не отвлечёнными идеалами, а реальностью и грубой силой обстоятельств. Палестина остаётся частью Османской империи, а главное, в ней уже живут люди, которые не примут собственного вытеснения. Завершалось письмо короткой просьбой: ради Бога, оставьте Палестину в покое.

Через восемнадцать дней, девятнадцатого марта 1899 года, Герцль ответил из Вены. Он поблагодарил иерусалимского политика за тёплое отношение к евреям и заверил, что опасаться нечего. Никто не собирается прогонять местных жителей; напротив, еврейские переселенцы принесут в страну капитал, знания и деловую энергию, так что арабский землевладелец лишь выиграет, увидев, как цена его дома или участка за несколько месяцев возрастает в пять или десять раз. Два образованных человека конца девятнадцатого века обменивались любезностями на французском языке, но каждый уже говорил о собственном мире и не слышал главного довода собеседника.

Именно с этой переписки историк Колумбийского университета Рашид Халиди, праправнучатый племянник Юсуфа Дии, начинает свою книгу «Столетняя война против Палестины». В палестинской традиции письма 1899 года фиксируют исходный узел конфликта: столкновение европейского политического проекта, опиравшегося на покровительство великих держав, с местным обществом, чьё присутствие на земле воспринималось извне как досадная помеха. Израильская национальная историография видит ту же эпоху иначе: как зарю национального освобождения, возвращение гонимого народа на землю предков и созидательный труд, превративший османскую провинцию в современное государство. Эта книга не отменяет израильского взгляда и не спорит с болью, из которой он вырос. Её задача иная: по-

следовательно восстановить историю последних ста с лишним лет так, как её видели, документировали и проживали сами палестинцы.

Почему такой разговор до сих пор требует объяснений? В 1984 году палестино-американский филолог и публицист Эдвард Саид, продолжая идеи своей книги «Палестинский вопрос», опубликовал эссе «Разрешение на рассказ». Поводом послужила реакция западного общества на ливанскую войну 1982 года и бойню в лагерях Сабра и Шатила. Саид пытался понять, почему даже после очевидных трагедий связная палестинская история с трудом укладывается в картину мира европейского или американского читателя. Проблему он видел в самом устройстве публичной памяти. История еврейского изгнания, антисемитизма, Холокоста и обретения дома складывалась в целостный и морально убедительный сюжет, тогда как опыт палестинцев распадался на обрывки хроники без начала и середины: лагерь беженцев, взрыв на улице, очередное сорванное перемирие. Чтобы народ перестал быть безымянной массовкой в чужой драме, ему необходимо право изложить свою хронологию от истоков до сегодняшнего дня.

За четыре десятилетия после статьи Саида в англоязычной науке вышли десятки монографий, переведены арабские мемуары, опубликованы коллекции семейных фотографий и судебных протоколов. И всё же на русском языке палестинская перспектива по большей части остаётся либо сухой

строчкой в дипломатических справках, либо набором лозунгов. Читатель, следящий за новостями Ближнего Востока, обычно попадает между двумя упрощениями. Первое сводит всё к борьбе современной демократии с иррациональным террором, вынося за скобки события первой половины двадцатого века. Второе превращает палестинцев в абстрактных страдальцев, лишённых внутренней политики, споров и доли ответственности за собственный выбор.

Обе схемы далеки от живой истории. Смотреть на события с палестинской стороны не значит превращать палестинцев в безгрешных героев или вычёркивать из кадра страхи, мотивы и травмы израильтян. Сила серьёзной палестинской историографии, о чём нередко пишут и критики, заключается в готовности говорить о собственных провалах без скидок на тяжёлые обстоятельства. На страницах этой книги разговор о британской политике, израильских военных операциях и дипломатическом давлении США будет сопровождаться жёстким разбором внутренних палестинских проблем: близорукости иерусалимских кланов в 1920-е годы, братоубийственных расправ во время восстания 1936-1939 годов, беспомощности арабских правительств в 1948 году, коррупции внутри Палестинской администрации после Осло, раскола между ФАТХ и ХАМАС и преступлений палестинских вооружённых группировок против мирных граждан. Доверие читателя возникает там, где историк не подменяет исследование адвокатской речью.

Любой, кто берётся писать историю Палестины, сразу сталкивается с препятствием, связанным с судьбой самих источников. Обычное государство строит память на фундаменте национального архива, куда десятилетиями стекаются протоколы заседаний, земельные книги, военные сводки и дипломатические шифровки. У палестинцев такого единого хранилища никогда не было. Причина кроется не в отсутствии письменной культуры, а в том, что произошло с городами и учреждениями страны в годы войн.

Весной и летом 1948 года, когда кварталы Западного Иерусалима, Яффы и Хайфы пустели под огнём, горожане уезжали в спешке, рассчитывая вернуться через несколько недель, и оставляли дома личные библиотеки. Бойцы «Хаганы» и израильские ведомства собрали и вывезли десятки тысяч книг, рукописей, дневников и писем, включая личный архив видного палестинского педагога и писателя Халиля аль-Сакакини. Как позднее задокументировали сотрудники Института палестинских исследований, значительная часть этих собраний осела в фондах Национальной и университетской библиотеки в Иерусалиме с пометкой «брошенная собственность». После войны 1967 года в Государственный архив Израиля попали также сотни папок с бумагами Верховного арабского комитета и иорданской администрации Западного берега. Полвека эти материалы оставались засекреченными, а доступ к отдельным делам закрыт до сих пор.

Не менее драматична судьба Исследовательского центра

Организации освобождения Палестины, открытого в Бейруте в 1965 году. К началу 1980-х годов там собралась уникальная библиотека примерно из двадцати пяти тысяч томов на арабском, иврите, английском и французском языках, редкие рукописи, микрофильмы и киноархив по истории палестинского общества и сионизма. В сентябре 1982 года, сразу после эвакуации отрядов ООП из осаждённого Западного Бейрута, израильские военные погрузили всё содержимое центра в грузовики и вывезли в Израиль. Генеральная Ассамблея ООН в декабре того же года осудила это изъятие как расхищение культурного наследия и потребовала вернуть материалы через ЮНЕСКО; израильская сторона возражала, утверждая, будто центр собирал также разведывательные сведения об израильской инфраструктуре. В ноябре 1983 года в ходе обмена шестерых израильских солдат примерно на 4400 арабских заключённых основную часть архива вернули ООП. Ящики отправили в Алжир, но из-за последующих переездов и кризисов коллекция выпала из научного оборота, и даже нынешние сотрудники центра в Рамалле не имеют к ней доступа. Похожая участь постигла и иерусалимский «Ориент Хаус», закрытый израильскими властями в августе 2001 года вместе с конфискацией документов палестинской переговорной группы со времён Мадридской конференции 1991 года.

Из этих утрат выросла главная особенность палестинской исторической школы. Не имея полного доступа к собствен-

ным бумагам, исследователи учились восстанавливать прошлое на стыке источников: сверять британские мандатные отчёты и османские земельные реестры с устными свидетельствами жителей лагерей беженцев, семейными хрониками и рассекреченными документами израильской армии. Устная память уступает штабному журналу в точности дат и номеров частей, но она сохраняет то, что редко попадает в военные донесения: топографию разрушенных деревень, названия родников, уклад повседневного соседства и психологию изгнания.

Ни одна дата не разделяет палестинскую и израильскую память так резко, как 1948 год. Израильский историк Ави Шлаим точно заметил, что каждая из сторон живёт внутри собственной версии тех событий. Для Израиля 1948 год стал Войной за независимость. Молодая республика, провозглашённая через три года после окончания Холокоста и сразу атакованная армиями арабских государств, отвергнувших план раздела ООН, вела борьбу за физическое выживание. В классическом израильском нарративе палестинские арабы покинули свои дома добровольно или по приказам собственных и арабских лидеров, обещавших скорое возвращение после победы, несмотря на призывы еврейского руководства в ряде городов остаться.

Для палестинцев тот же год носит имя Накба, то есть Катастрофа. К моменту подписания соглашений о перемирии в 1949 году под контролем Израиля оказалось около 78

процентов территории бывшего Британского мандата. Свыше пятисот палестинских деревень и одиннадцать городских кварталов опустели или были разрушены, а более семисот тысяч человек, свыше половины арабского населения страны, стали беженцами, рассеянными по Газе, Западному берегу, Иордании, Ливану и Сирии. В декабре 1948 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 194, закрепившую право беженцев, желающих жить в мире с соседями, вернуться домой и получить компенсацию за утраченное имущество. Для подавляющего большинства этих людей дорога назад осталась закрытой.

Первым, кто перевёл спор о причинах исхода в плоскость проверки источников, стал палестинский историк Валид Халиди. В конце 1950-х годов в работах «Почему ушли палестинцы?» и «Падение Хайфы» он сверил арабские газеты, местные коммюнике и сводки радиоперехватов ЦРУ и корпорации Би-би-си за 1948 год, показав, что общих приказов о массовой эвакуации населения не существовало. Кроме того, именно Валид Халиди обосновал деление войны на два разных этапа, принятое сегодня почти всеми историками. С декабря 1947 по середину мая 1948 года шла гражданская война внутри Палестины, в ходе которой уже началось массовое вытеснение жителей прибрежных городов и сёл; лишь после 15 мая, с окончанием Британского мандата, в конфликт вступили регулярные арабские армии. Позднее, в 1992 году, под редакцией Халиди вышел энциклопедиче-

ский том All That Remains, задокументировавший сотни исчезнувших палестинских деревень.

Тридцать лет выводы палестинских учёных на Западе почти не замечали. Поворот произошёл в конце 1980-х годов благодаря самим израильским исследователям, вошедшим в науку под именем «новых историков». Когда в Израиле по тридцатилетнему правилу рассекречивания открылись государственные и военные архивы 1948 года, Бенни Моррис, Ави Шлаим, Илан Паппе и Симха Флапан получили доступ к подлинным приказам командования, протоколам кабинета министров и сводкам разведки. Монография Бенни Морриса «Рождение проблемы палестинских беженцев» подтвердила по израильским документам главный негативный вывод Валида Халиди: централизованного арабского приказа уходить не было. Бегство вызывалось сочетанием страха перед боями, распада городских институтов, психологического давления и прямых приказов израильских командиров о выселении, особенно в Лидде, Рамле и Галилее.

При этом «новые историки» никогда не составляли единого лагеря. Илан Паппе, изучив так называемый «План Далет» и совещания руководства ишува, охарактеризовал события 1948 года как целенаправленную этническую чистку. Бенни Моррис резко отверг такую трактовку, настаивая на том, что в архивах нет единого генерального плана изгнания, а решения диктовались хаосом жестокой войны; работу Паппе он назвал неточной. После начала Второй интифады в 2000 го-

ду политические взгляды самого Морриса резко сдвинулись вправо: не отказываясь от собранных в архивах фактов об изгнаниях и расправах, он в интервью 2004 года заявил, что перед лицом угрозы уничтожения в 1948 году частичное выселение враждебного населения было суровой исторической необходимостью. Традиционалистски настроенные историки вроде Эфраима Карша вообще обвинили «новых историков» в искажении документов, а Анита Шапира указала на уязвимое место метода Морриса и Шлаима: почти полный отказ от оригинальных арабских источников и попытку судить о действиях арабской стороны только по израильским бумагам.

Для нашей книги этот спор ценен тем, что он лишает силы удобные мифы обеих сторон. Но за битвой интерпретаций скрывается более глубокое различие в ощущении времени. В израильском сознании конфликт выглядит как цепочка отдельных войн за безопасность (1948, 1956, 1967, 1973 годы) и последующих мирных попыток, сорванных террором и неуступчивостью партнёров. В палестинском опыте время течёт иначе: это не ряд разрозненных кризисов, а непрерывная линия утраты земли и прав. Декларация Бальфура 1917 года, подавление восстания 1936-1939 годов, Накба 1948 года, начало бессрочной оккупации Западного берега, Восточного Иерусалима и Газы в 1967 году, изгнание из Бейрута и резня в Сабре и Шатиле в 1982 году, тупик соглашений Осло на фоне кратного роста израильских поселений воспри-

нимаются как звенья одной цепи.

События 2023-2026 годов окончательно вывели этот исторический спор из университетских библиотек на первые полосы. Нападение ХАМАС на юг Израиля 7 октября 2023 года, унёсшее жизни 1195 израильтян и иностранных граждан, в большинстве мирных жителей, и захват 251 заложника потрясли израильское общество и были квалифицированы комиссией ООН как военные преступления. Последовавшая масштабная военная кампания в секторе Газа, продолжавшаяся с короткими паузами почти три года, обернулась беспрецедентной гуманитарной катастрофой. По сводным данным ООН и независимых оценок к 2025-2026 годам, в секторе Газа погибли свыше 72-74 тысяч палестинцев, более тысячи человек были убиты на Западном берегу, большая часть жилья, больниц и школ в Газе оказалась разрушена, а профильный комитет ООН официально зафиксировал голод на севере сектора. Правовые споры переместились в Международный суд ООН в Гааге: в июле 2024 года суд признал израильскую оккупацию палестинских территорий незаконной, по иску ЮАР рассматривается дело о Конвенции о геноциде, а Независимая международная комиссия ООН в докладах 2025 и 2026 годов выдвинула против Израиля предельно жёсткие обвинения, которые израильское правительство категорически отвергает как ложные. Одновременно в 2024-2025 годах многие европейские и западные страны признали Государство Палестина, но хрупкие пере-

мирия конца 2025 и 2026 годов оставили нерешёнными главные вопросы о статусе земли и правах людей.

Эта книга написана с уверенностью, что трагедию сегодняшнего дня невозможно понять без столетнего контекста. В следующих пяти главах читатель пройдёт весь путь от османской Палестины и Декларации Бальфура до раздела 1947 года и Накбы, от войны 1967 года и ливанского изгнания до двух интифад, «ловушки Осло», раскола между Газой и Западным берегом и войны 2023-2026 годов. Дипломатические ноты и резолюции ООН будут соседствовать здесь с судьбами конкретных городов и жителей, а внутри каждой главы палестинский взгляд сопоставляется с израильским и сопровождается откровенным разбором ошибок палестинских элит.

Ни одна историческая книга не способна сама по себе остановить вражду или начертить готовый план будущего мира. Но у честного рассказа есть задача, без которой любая дипломатия строится на песке. Как писал Рашид Халиди, на этой земле давно живут два народа, чья связь с ней стала необратимой реальностью, и прочный мир невозможен, пока одна сторона отказывает другой в праве на существование, безопасность и память. Рассказать историю Палестины глазами её жителей нужно не для того, чтобы заглушить чужой голос, а чтобы вернуть миллионам людей их имена, улицы, архивы и биографии. Пока прошлое остаётся вычеркнутым из общего разговора, оно не уходит в учебники. Оно продол-

жается каждый день.

Глава 1. Поздняя Османская Палестина и эпоха обещаний (1899-1939)

1. Земля под султаном: общество, экономика и первые тревоги

В начале двадцатого века слово «Палестина» ещё не обозначало отдельного государства с таможнями, паспортом и флагом, но давно жило в географии, церковных хрониках и повседневной речи местных жителей. Административно эта земля входила в состав Османской империи и не составляла единую территорию. Её южная и центральная части, включавшие Иерусалим, Яффу, Хеврон, Газу и Вирсавию, с 1872 года были выделены в особый Иерусалимский мутасаррифат, подчинённый напрямую Стамбулу из-за дипломатического и религиозного значения святых мест. Северные же области, тянувшиеся от Наблуса и Дженина до Акки, Хайфы и Галилейских гор, относились к санджакам Наблус и Акка в составе Бейрутского вилайета, образованного в 1888 году. Для купца из Наблуса или врача из Хайфы административ-

ным центром оставался Бейрут, а культурным ориентиром служили Дамаск и Каир. Люди, товары и книги свободно перемещались по всему Восточному Средиземноморью без пограничных постов и виз.

Определить точную численность населения тех лет непросто, так как османские переписи составлялись прежде всего ради налогового учёта и воинского призыва, а значит, нередко недосчитывали женщин, детей, кочевников-бедуинов и иностранных подданных. Французский географ Виталь Кюине в 1895 году оценивал общее население палестинских округов чуть менее чем в полмиллиона человек, отмечая, что свыше трёх четвертей жителей сосредоточено в более плодородном Иерусалимском мутасаррыфате. К 1914 году сводные расчёты демографов на основе поздних османских реестров приближаются к 690-700 тысячам жителей. Подавляющее большинство составляли арабы: преимущественно мусульмане-сунниты и около шестнадцати процентов арабов-христиан разных конфессий, живших главным образом в Иерусалиме, Вифлееме, Назарете, Рамалле и приморских городах. Еврейская община в начале 1880-х годов насчитывала около двадцати четырёх тысяч человек, или примерно пять процентов населения, но после переселенческих волн из Российской империи, Румынии и Йемена выросла к 1914 году до шестидесяти-восьмидесяти пяти тысяч, достигнув девяти-двенадцати процентов жителей страны. В самом Иерусалиме баланс уже тогда отличался от сельской

глубинки: по османским спискам 1905 года среди тридцати двух тысяч османских подданных города евреи составляли около сорока одного процента, мусульмане около тридцати четырёх и христиане около двадцати пяти, а с учётом евреев с иностранными паспортами доля еврейского населения в городе была ещё заметнее.

Экономическая жизнь поздней Османской Палестины опровергает расхожий в старой европейской публицистике образ заброшенной пустыни. На побережье от Газы до Акки крестьяне и предприниматели превращали сады Яффы в крупного поставщика знаменитых апельсинов, которые в деревянных ящиках уходили пароходами в Ливерпуль, Одессу и Марсель. В Галилее и на равнинах Самарии собирали урожаи пшеницы, ячменя, кунжута и табака; на горных террасах выращивали оливки, а Наблус славился на весь Левант мыловаренными заводами и торговлей оливковым маслом. Железные дороги связали Яффу с Иерусалимом и Хайфу с Дамаском и Хиджазской магистралью. В Иерусалиме, Хайфе и Яффе формировался городской средний класс из врачей, адвокатов, учителей, журналистов и купцов. Бок о бок с мусульманами и христианами жили арабоязычные евреи-сефарды и старые религиозные общины Иерусалима, Хеврона, Цфата и Тверии, включённые в местную торговлю и муниципальные советы.

Иначе складывались отношения с переселенцами Первой и Второй алии, прибывавшими из Восточной Европы.

Для десятков тысяч российских и румынских евреев, спасавшихся от черты оседлости, погромов в Кишинёве и бесправия, Палестина представлялась единственным убежищем и землёй духовного возрождения. Но политический сионизм, оформившийся на Первом конгрессе в Базеле в 1897 году, ставил перед собой не просто благотворительную задачу, а создание в Палестине самостоятельного национального очага. Переселенческие колонии (к 1897 году их насчитывалось уже восемнадцать) и особенно приехавшие после 1904 года социалистические пионеры Второй алии строили обособленную экономическую систему под лозунгами «еврейского труда» и «еврейской земли». Эти хозяйства стремились обходиться без найма арабских работников и жить отдельно от окружающей среды.

Глубинный разлом, из которого впоследствии выросло открытое противостояние, прошёл через земельный вопрос. На протяжении столетий значительная часть пахотной земли в палестинских деревнях обрабатывалась в рамках системы мушаа: общинного пользования государственной землёй категории мири, когда деревня каждые несколько лет перераспределяла участки между семьями по жребию, чтобы никто не оставался навсегда на худшей почве. В 1858 году, в эпоху реформ Танзимата, Османская империя приняла Земельный кодекс, требовавший закрепить наделы за конкретными собственниками в реестрах тапу ради упорядочения налогов. Опасаясь поборов и отправки сыновей на десятилет-

нюю военную службу, многие феллахи либо уклонялись от регистрации, либо позволяли записывать целые деревни на имена богатых городских нотаблей, ростовщиков и коммерсантов из Иерусалима, Яффы, Дамаска и Бейрута.

Самый известный пример такого обезземеливания произошёл на севере страны. Между 1869 и 1872 годами богатая бейрутская семья Сурсок купила у османской казны огромные массивы плодородной земли в Изреельской долине (Мардж-ибн-Амир) и окрестностях Хайфы общей площадью от двухсот сорока до трёхсот тысяч дунамов, включая около двадцати деревень с четырьмя тысячами крестьян. Пока владельцы жили в Бейруте и лишь забирали долю урожая, феллахи продолжали считать эти поля отцовскими, хотя юридически превратились в бесправных арендаторов. Когда же сионистские земельные фонды на средства европейских филантропов вроде барона Эдмона де Ротшильда начали скупать участки у таких отсутствующих землевладельцев, сделки полностью соответствовали букве османского закона, но для сотен крестьянских семей означали немедленное изгнание с земли, которую они обрабатывали поколениями.

Первые организованные протесты против такой практики начались задолго до появления Великобритании. В июне 1891 года группа влиятельных иерусалимских нотаблей отправила великому визирю в Стамбул петицию с требованием запретить массовую иммиграцию российских евреев и продажу им пахотных угодий. Султан Абдул-Хамид II действи-

тельно вводил запреты на длительное пребывание иностранных евреев и покупку ими земли, а после Базельского конгресса 1897 года стал назначать губернаторами Иерусалима проверенных чиновников из своего дворцового штаба. Но административные барьеры постоянно обходили через подкуп местных чиновников, оформление участков на османских подданных и вмешательство европейских консулов, защищавших иностранцев в рамках режима капитуляций.

После Младотурецкой революции 1908 года, вернувшей конституцию и ослабившей цензуру, тревога впервые обрела громкий публичный голос в арабской прессе. В том же 1908 году в Хайфе стала выходить газета «Аль-Кармиль» под редакцией Наджиба Нассара, а в 1911 году в Яффе двоюродные братья Иса и Юсуф аль-Иса основали газету «Филастин», ставшую на десятилетия главной трибуной палестинской интеллигенции. Оба издания возглавляли арабы-христиане, что с самого начала доказывало: нарождающееся неприятие сионизма было не вспышкой религиозного фанатизма, а реакцией всего местного общества, защищавшего свою землю и политическое будущее. Наджиб Нассар переводил статьи из европейской и сионистской прессы, объясняя читателям, что речь идёт не о беженцах, просящих крова, а о движении, которое ставит целью овладение страной. В 1911 году палестинский депутат от Иерусалима в османском парламенте Рухи аль-Халиди, племянник упоминавшегося во введении Юсуфа Дии, выступил в Стамбуле с развёрну-

той речью о том, как земельные сделки в долине Мардж-ибн-Амир превращают местных земледельцев в нищих батраков.

Повседневная жизнь приморских городов начала века отличалась удивительной пестротой. В Яффе, служившей главными морскими воротами Иерусалима, строились банки, типографии, миссионерские школы и торговые дома; рядом со старым каменным городом и портом с 1909 года на песчаных дюнах к северу вырастал новый еврейский пригород Ахузат-Баит, вскоре превратившийся в Тель-Авив. Хайфа, соединённая железной дорогой с Дамаском и внутренними равнинами, быстро догоняла Яффу по грузообороту. Даже в эти годы тревоги в муниципалитетах Яффы, Хайфы и Иерусалима арабские мусульмане, христиане и местные евреи-сефарды решали общие городские дела, спорили о водопроводе и уличном освещении, не подозревая, что через одно поколение эти смешанные кварталы окажутся рассечены фронтом.

Чтобы увидеть этот период без однобокости, важно удержать в памяти оба взгляда. Для еврейских поселенцев в Ришон-ле-Ционе, Петах-Тикве или Дгании выкуп малярийных участков и работа на земле были историческим подвигом возрождения, оплаченным честно собранными деньгами и тяжёлым трудом. Но для арабских крестьян из сёл вроде Аль-Фулы или Джидру та же самая сделка оборачивалась потерей единственного источника жизни без права голоса. Накануне 1914 года палестинцы ещё не имели собственной

национальной партии, но ощущение надвигающейся угрозы уже стало общей политической реальностью.

2. Война и дипломатия несовместимых обещаний (1914-1922)

Первая мировая война обрушилась на Палестину как стихийное бедствие. Вступление Османской империи в войну на стороне Германии привело к плотной морской блокаде побережья со стороны Антанты, отрезавшей Яффу и Хайфу от рынков сбыта и импорта продовольствия. По приказу командующего Четвёртой османской армией Джемаль-паши в сёлах реквизировали зерно и тягловый скот, а тысячи мужчин отправили на фронт и в трудовые батальоны. В 1915 году страну накрыло нашествие саранчи, уничтожившее посевы и оливковые сады. Начался тяжёлый голод, сопровождавшийся эпидемиями сыпного тифа и холеры: в одном только Бейрутском вилайете, куда входила северная Палестина, погибли свыше трёхсот тысяч человек, более четверти довоенного населения. На фоне репрессий Джемаль-паши, казнившего десятки арабских националистов в Дамаске и Бейруте и выславшего тысячи жителей Яффы и Тель-Авива в 1917 году, истощённая страна с облегчением встречала наступление британских войск генерала Эдмунда Алленби, вошедшего в Иерусалим в декабре 1917 года.

Но пока жители хоронили умерших от тифа, в кабинетах Лондона, Каира и Парижа уже перекраивали будущее региона. За три военные года Британия дала три противоречащих

друг другу обещания относительно одних и тех же земель, заложив политическую мину под весь следующий век.

Первым шагом стала секретная переписка, которую с июля 1915 по март 1916 года вели верховный комиссар Великобритании в Египте сэр Генри Макмагон и хранитель святых городов Мекки и Медины шериф Хусейн ибн Али из рода Хашимитов. Британия нуждалась в арабском восстании в тылу османской армии; Хусейн рассчитывал на создание после победы единого независимого арабского государства. В письме от 24 октября 1915 года Макмагон от имени британского правительства согласился признать и поддержать арабскую независимость в предложенных шерифом границах, оговорив одно исключение: Мерсин, Александретта и «части Сирии, лежащие к западу от округов Дамаска, Хомса, Хамы и Алеппо» не могут считаться чисто арабскими и выводятся за пределы обещания.

Вокруг этой туманной географической фразы разгорелся спор, десятилетиями отравлявший англо-арабские отношения. После войны британские чиновники утверждали, что под «округом Дамаск» имелся в виду обширный вилайет, простиравшийся до Акабы, а значит, Палестина к западу от Иордана была заранее исключена. Арабские юристы и историки возражали, указывая на очевидные факты: в османском административном делении к югу от Дамаска располагался независимый Иерусалимский санджак, который Макмагон ни разу не упомянул среди исключений; географически Па-

лестина лежит к югу, а не к западу от Дамаска; а сама оговорка касалась горного Ливана с его маронитским населением и французскими интересами. Показательно, что полный текст этих десяти писем Лондон держал в секрете вплоть до 1939 года.

Второе обязательство противоречило первому ещё откровеннее. Пока арабские отряды в Хиджазе готовились к восстанию в расчёте на британское слово, английский дипломат Марк Сайкс и француз Франсуа Жорж-Пико в мае 1916 года заключили тайный договор о разделе арабских провинций Османской империи на сферы влияния. По схеме Сайкса-Пико основная часть Палестины к западу от Иордана (кроме Хайфы и Акки, предназначавшихся Британии, и пустыни Негев) отводилась под международное управление. Когда в конце 1917 года большевики в Петрограде вскрыли царские архивы и опубликовали текст соглашения Сайкса-Пико, в арабском мире разразился скандал.

Наконец, 2 ноября 1917 года министр иностранных дел Великобритании лорд Артур Бальфур направил короткое письмо лорду Уолтеру Ротшильду. В шестидесяти семи английских словах правительство Его Величества заявляло о благосклонном отношении к созданию в Палестине «национального очага для еврейского народа» при условии, что не будут ущемлены «гражданские и религиозные права существующих нееврейских общин в Палестине». Для лидеров сионизма во главе с Хаимом Вейцманом этот документ стал

дипломатическим триумфом; кабинет Дэвида Ллойд Джорджа рассчитывал таким путём укрепить симпатии евреев в США и России в критический год войны и создать удобный предлог удержать Палестину перед Суэцким каналом под британским контролем.

В палестинской историографии, от современников событий до Рашида Халиди, в Декларации Бальфура выделяют три глубокие несправедливости. Британия распорядилась землёй, которая в ноябре 1917 года ей даже юридически не принадлежала, без согласия населения. Девяностопроцентное арабское большинство не было названо по имени и исчезло за отрицательной формулой «нееврейские общины». И самое главное: этим общинам обещали только гражданские и религиозные права, полностью отказывая в политическом праве на самоопределение.

После капитуляции Османской империи противоречия вышли наружу. Статья 22 Устава Лиги Наций 1919 года признавала бывшие османские провинции готовыми к постепенной независимости при решающем учёте воли самих жителей. Чтобы выяснить эту волю, президент США Вудро Вильсон летом 1919 года направил в Левант комиссию Генри Кинга и Чарльза Крейна. Объехав города и сёла, американские уполномоченные зафиксировали категорическое неприятие сионистской программы арабским большинством и предупредили, что в беседах с комиссией еврейские представители не скрывали стремления к практически полному

вытеснению прежнего населения путём скупки земли. Реализация такого проекта, заключала комиссия, невозможна без постоянной опоры на вооружённую силу. В Вашингтоне и Лондоне этот доклад положили под сукно.

Развязка наступила в 1920-1922 годах. В марте 1920 года Сирийский национальный конгресс в Дамаске провозгласил королём единой Сирии, включая Палестину, эмира Фейсала. Но уже в апреле конференция союзников в Сан-Ремо передала мандат на Сирию Франции, а на Палестину Великобритании, и в июле 1920 года французские войска разгромили сирийскую армию при Майсалуне. Потеря Дамаска оставила палестинцев один на один с британской администрацией и сионистским проектом. В марте 1921 года на Каирской конференции Уинстон Черчилль разделил подмандатную территорию по реке Иордан, выделив земли к востоку в эмират Трансиордания под властью принца Абдаллы и исключив их из действия Декларации Бальфура. Двадцать четвёртого июля 1922 года Лига Наций утвердила окончательный текст Мандата для Палестины, включив Декларацию Бальфура прямо в преамбулу и признав Еврейское агентство официальным партнёром администрации. Представительного парламента или национального статуса для арабского большинства документ не предусматривал.

3. Два общества под одной крышей Мандата (1920-1929)

Первого июля 1920 года в Иерусалиме приступил к работе первый гражданский верховный комиссар Палестины сэр Герберт Сэмюэл, убеждённый британский сионист, искренне надеявшийся примирить два народа с помощью дорог, медицины и экономического подъёма. Но на земле уже пролилась кровь. Первого марта 1920 года у северного форпоста Тель-Хай в перестрелке погибли восемь евреев, включая Иосифа Трумпельдора, и пять арабов. А с четвёртого по седьмое апреля в Иерусалиме во время весеннего паломничества Наби Муса вспыхнули первые городские погромы: возмущённая речами о потере Сирии толпа ворвалась в Еврейский квартал Старого города. Погибли пять евреев и четыре араба, свыше двухсот тридцати человек были ранены. Потрясённые слабостью британской охраны руководители еврейской общины в том же году создали подпольную организацию самообороны «Хагана».

Чтобы удержать контроль над палестинской улицей, Сэмюэл в 1921 году пошёл на рискованный шаг. Хотя молодой иерусалимский учитель Хадж Амин аль-Хусейни был заочно осуждён военным судом за подстрекательство в 1920 году, верховный комиссар помиловал его и утвердил великим муфтием Иерусалима, несмотря на четвёртое место

аль-Хусейни среди выборщиков. Вскоре муфтий возглавил и Высший мусульманский совет, получив контроль над богатыми религиозными фондами-вакфами, шариатскими судами и назначением проповедников. По замыслу Лондона, клан Хусейни должен был уравновесить светских националистов и соперничавший иерусалимский род Нашашиби, представитель которого Рагиб ан-Нашашиби занял пост мэра Иерусалима. На деле этот манёвр на двадцать лет расколол арабскую политику между сторонниками муфтия («маджлисийин») и оппозицией вокруг Нашашиби («муаридин»).

Первое десятилетие Мандата выявило резкую организационную асимметрию между двумя общинами. Пока палестинские конгрессы отправляли в Лондон делегации с петициями, еврейский ишув шаг за шагом строил прообраз государства: основал всеобщий профсоюз Гистадрут (1920), созвал избранную Ассамблею представителей, развивал школы на иврите и открыл в 1925 году Еврейский университет на горе Скопус. Когда же в 1922-1923 годах британцы предложили учредить Законодательный совет с ограниченными полномочиями, арабские партии его бойкотировали. Они справедливо опасались, что участие в совете на условиях Мандата при перевесе назначенных чиновников узаконит политику национального очага, однако в итоге остались вовсе без парламентской трибуны.

Напряжение вновь вырвалось наружу 1 мая 1921 года в Яффе, где стычка между двумя еврейскими социалистиче-

скими группами породила слухи о нападении на арабские кварталы. На улицах города и в окрестностях вспыхнули жестокие столкновения, унёсшие жизни сорока восьми арабов и сорока семи евреев; свыше двухсот человек были ранены. Британская следственная комиссия во главе с главным судьёй сэром Томасом Хейкрафтом осудила нападения, но назвала их глубинную причину: возмущение коренного населения политикой сионизма и страх перед волной политически активных переселенцев из Европы. В ответ в июне 1922 года Уинстон Черчилль издал Белую книгу, впервые увязавшую иммиграцию с «экономической поглощающей способностью страны», хотя и подтвердившую, что еврейский народ находится в Палестине «по праву, а не из милости».

Демографический сдвиг фиксировала и сама мандатная администрация. Первая британская перепись 1922 года насчитала в Палестине около семисот пятидесяти двух тысяч человек, из которых почти восемьдесят восемь процентов составляли арабы (около семидесяти восьми процентов мусульмане и около десяти процентов христиане) и около одиннадцати процентов евреи. Однако по мере притока Третьей и Четвёртой алии в двадцатые годы, подпитываемых также экономическим кризисом в Польше и квотами на въезд в США, еврейская община удвоилась, а к концу десятилетия достигла примерно ста семидесяти тысяч человек. Параллельно рос разрыв в образовании и доходах: британский бюджет взимал налоги со всего населения, но значительную

часть социальных функций в еврейском секторе брали на себя международные фонды и профсоюзы, тогда как сельские арабские школы и больницы хронически недофинансировались.

В середине 1920-х годов произошли крупнейшие земельные сделки, изменившие карту Изреельской долины. Между 1921 и 1925 годами Еврейский национальный фонд выкупил у бейрутского семейства Сурсок и других владельцев сотни тысяч дунамов в Мардж-ибн-Амир. Для переселенцев это было законным освоением малярийных болот и созданием кибуцев. Для тысяч палестинских крестьян из более чем двадцати деревень та же сделка означала выселение после получения скромных отступных. Профсоюзная доктрина «завоевания труда» запрещала нанимать арабов в новых хозяйствах, так что лишённые пашни феллахи не могли остаться на земле даже батраками и уходили в наскоро сколоченные жестяные трущобы на окраинах Хайфы и Яффы, превращаясь в горючий социальный слой.

Взрыв 1929 года начался вокруг главной святыни Иерусалима: Западной стены Храмовой горы, Стены Плача для евреев и ограды аль-Бурак для мусульман. Осенью 1928 года установка перегородки еврейскими молящимися в Йом-Кипур и её силовой снос британской полицией спровоцировали острую политизацию святыни. В августе 1929 года ревизионистское движение «Бейтар» провело у стены марш с флагами и лозунгами, а муфтий аль-Хусейни развернул

кампанию в защиту мечети Аль-Акса, подогревавшую слухи о её скором захвате. Двадцать третьего августа тысячи арабов после пятничной молитвы напали на еврейские кварталы Иерусалима. На следующий день погром обрушился на древнюю несионистскую общину Хеврона, где погибли шестьдесят семь евреев и пятьдесят восемь были ранены (хотя десятки других семей укрыли и спасли их арабские соседи), а 29 августа был разгромлен Цфат, где погибли восемнадцать-двадцать евреев. Всего за неделю по стране погибли 133 еврея и 116 арабов, большинство которых застрелила британская полиция при разгоне толпы.

Расправа в Хевроне стала шоком для всего мира, нанесла тяжёлый моральный удар по палестинскому делу и убедила ишув ускоренно вооружать «Хагану». Однако британские расследования комиссии сэра Уолтера Шоу и эксперта Джона Хоупа Симпсона в 1929-1930 годах неожиданно подтвердили правоту палестинских экономических тревог. Комиссия Шоу указала, что бунты порождены страхом арабов перед политическим подчинением и потерей средств к существованию. Хоуп Симпсон установил, что при текущем уровне земледелия в стране уже не осталось свободной земли для размещения новых поселенцев без вытеснения местного крестьянства. Опиравшаяся на эти отчёты Белая книга лорда Пассфилда (октябрь 1930 года) предложила приостановить иммиграцию и ограничить скупку участков. Но уже 13 февраля 1931 года под мощным давлением сионистских ор-

ганизаций и британской оппозиции премьер-министр Рамсей Макдональд направил Хаиму Вейцману письмо, фактически отменившее главные ограничения. В Палестине его прозвали «Чёрным письмом». Для многих арабов этот разворот стал доказательством того, что мирные петиции и британские комиссии бессильны, когда за сионизмом стоит политический вес в Лондоне.

4. Шейх из Хайфы и Великое палестинское восстание (1930-1939)

Начало 1930-х годов резко изменило масштаб кризиса. Приход нацистов к власти в Германии в январе 1933 года и усиление антисемитских гонений в Польше вызвали крупнейшую волну еврейской иммиграции за всё время Мандата. За четыре года, с 1933 по 1936 год, в порты Хайфы и Яффы прибыли свыше ста шестидесяти тысяч переселенцев, подняв долю еврейского населения с семнадцати процентов почти до трети жителей страны. На фоне мирового экономического кризиса и засух столь стремительная перемена демографии воспринималась арабами как прямая угроза превратиться в бесправное меньшинство. Осенью 1933 года британская полиция расстреляла крупные антиколониальные демонстрации в Яффе и Иерусалиме, убив более двадцати пяти человек и ранив свыше двухсот. Старая нотабельская элита, разбитая на шесть мелких партий и потерявшая в 1934 году своего патриарха Мусу Казыма аль-Хусейни, стремительно теряла доверие молодёжи.

Импульс к восстанию пришёл из рабочих кварталов портовой Хайфы. В мечети Истикляль проповедовал сирийский богослов шейх Изз ад-Дин аль-Кассам, участник борьбы против французов в Сирии, работавший в Хайфе брачным регистратором. Он обходил жестяные лачуги квартала

Вади-эс-Салиб, где ютились согнанные с земли крестьяне Галилеи и портовые грузчики. Своим слушателям он говорил, что жаловаться в Лондон бесполезно, а главный враг палестинцев не отдельные еврейские соседи, а Британская империя, прикрывающая колонизацию. Из преданных учеников он создал законспирированные пятёрки, покупавшие оружие на собственные гроши. В ноябре 1935 года полиция выследила отряд аль-Кассама в пещерах близ деревни Ябад под Дженином. Двадцатого ноября шейх погиб в перестрелке, отказавшись сдаться. Его похороны в Хайфе собрали многотысячную толпу рабочих и крестьян, тогда как иерусалимские нотабли на кладбище даже не явились.

Весной 1936 года искра воспламенила всю страну. Пятнадцатого апреля уцелевшие боевики-кассамиты остановили колонну на дороге между Наблусом и Тулькамом и убили двух еврейских пассажиров (третий скончался позже). В ночь на 16 апреля члены правой еврейской группы застрелили двух арабских рабочих на плантации близ Петах-Тиквы, а 19-20 апреля в Яффе вспыхнули беспорядки, унёсшие жизни шестнадцати евреев и троих арабов. На следующий день стихийные низовые Национальные комитеты в Наблусе, Яффе и Иерусалиме объявили всеобщую забастовку, требуя прекратить иммиграцию, запретить продажу земли и создать национальное правительство. Двадцать пятого апреля враждовавшие арабские партии были вынуждены объединиться в Верховный арабский комитет (ВАК) во главе с муф-

тием Хадж Амином аль-Хусейни. Началось Великое палестинское восстание 1936-1939 годов.

Первая фаза, с апреля по октябрь 1936 года, стала самой продолжительной всеобщей стачкой на Ближнем Востоке. На полгода закрылись лавки, мастерские, транспорт и порт Яффы; забастовку поддержали даже старшие арабские чиновники и все палестинские судьи администрации Мандата. В горах началась партизанская война против британских патрулей, железных дорог и нефтепровода из Киркука в Хайфу, к которой летом подключились добровольцы из Сирии и Ирака во главе с Фавзи аль-Кавукджи. Однако экономически длительная стачка больнее всего ударила по самим палестинцам: британские власти разрешили открыть разгрузочный причал в соседнем Тель-Авиве, навсегда отобрав грузопоток у Яффы. К октябрю 1936 года арабские города были истощены, погибли около тысячи повстанцев, а короли Ирака, Саудовской Аравии, Йемена и эмир Трансиордании обратились к палестинцам с призывом прекратить забастовку и положиться на «добрую волю нашего друга Великобритании». Одиннадцатого октября ВАК свернул стачку, расписавшись в зависимости от арабских столиц.

Седьмого июля 1937 года прибывшая в страну Королевская комиссия во главе с лордом Уильямом Робертом Пилем опубликовала доклад, перевернувший весь ход конфликта. Комиссия признала обязательства Мандата несовместимыми и впервые официально предложила разделить Палести-

ну на два государства. Евреям отходило около двадцати процентов территории (примерно пять тысяч квадратных километров), включая Галилею, Изреельскую долину и плодородный берег; Иерусалим с Вифлеемом и коридором до Яффы оставался под британским контролем, а остальная часть страны присоединялась к Трансиордании эмира Абдаллы.

Самой взрывоопасной частью доклада стал демографический вопрос. Внутри предложенного еврейского государства проживали от двухсот двадцати пяти до двухсот пятидесяти тысяч палестинских арабов, почти столько же, сколько евреев. Комиссия Пиля рекомендовала провести «обмен населением», прямо указав, что при отказе переселяться добровольно выселение арабов «в крайнем случае» должно быть принудительным. На Двадцатом сионистском конгрессе в Цюрихе мнения разделились, но Давид Бен-Гурион и Хаим Вейцман увидели в плане Пиля стратегический плацдарм, а идея «трансфера» впервые легитимно обсуждалась на пленарных заседаниях сионистских организаций. Палестинское большинство восприняло план как смертный приговор. Лишь клан Нашашиби, вышедший из ВАК накануне доклада, втайне был готов обсуждать объединение арабских районов с Абдаллой, что углубило раскол.

Осенью 1937 года восстание вспыхнуло с новой яростью. Двадцать шестого сентября боевики-кассамиты застрелили в Назарете исполняющего обязанности окружного комиссара Галилеи Льюиса Эндрюса. В ответ Лондон объявил ВАК вне

закона, сослал часть его лидеров на Сейшелы и лишил аль-Хусейни поста главы Высшего мусульманского совета; сам муфтий бежал в Ливан и Дамаск. Лишившись единого городского центра, борьбу возглавили сельские полевые командиры (*фасаиль*) в горах Самарии, Галилеи и Иудеи, среди которых выделялись Абд ар-Рахим аль-Хадж Мухаммад, Юсуф Абу Дурра и Ариф Абд ар-Раззак. К лету 1938 года повстанцы контролировали значительную часть сельских районов, учредили собственные суды, прекратили сбор налогов и на несколько дней в октябре 1938 года заняли Старый город Иерусалима. По указу повстанцев горожане сняли элитную османскую феску (тарбуш) и надели крестьянскую куфию (арафатку), что одновременно символизировало единство с деревней и помогало партизанам растворяться на улицах.

После Мюнхенского соглашения в сентябре 1938 года Британия высвободила войска и перебросила в Палестину до тридцати-пятидесяти тысяч солдат, задействовав также пятнадцать тысяч бойцов «Хаганы» и двадцать тысяч вспомогательной еврейской полиции. Военные суды выносили смертные приговоры за хранение одного патрона; свыше ста человек были повешены, а более двенадцати тысяч прошли через лагеря и тюрьмы. В Яффе сапёры взорвали целые кварталы старого города под предлогом прокладки проездов; вдоль сирийской границы возвели колючий «Забор Тегарта». Деревни наказывали коллективными штрафами, подрывом домов

и использованием жителей в качестве живого щита впереди поездов. Капитан Орд Уингейт совместно с «Хаганой» создал «Специальные ночные отряды» для ночных рейдов, а в карательных операциях вроде аль-Бассы и Хальхуля фиксировались расстрелы заложников и издевательства над жителями. Одновременно с лета 1937 года праворадикальное еврейское подполье «Иргун» отказалось от политики сдержанности и в отместку за нападения на евреев начало взрывать бомбы на людных арабских рынках Хайфы, Яффы и Иерусалима, убив десятки прохожих.

Осенью 1938 года британское военное управление под командованием генералов Роберта Хейнинга и Ричарда О'Коннора перешло к тотальной изоляции деревень. Вдоль границ и основных шоссе строились бетонные доты по проекту специалиста по колониальной полиции сэра Чарльза Тегарта, ставшие впоследствии опорными пунктами всех армий на этой земле. Крестьянам требовались специальные военные пропуска для поездок между округами, что парализовало торговлю оливками и зерном. Для сотен тысяч жителей палестинской глубинки этот опыт оставил глубокий психологический след: государство и закон окончательно стали ассоциироваться не с защитой прав, а с обыском, коллективным штрафом и колючей проволокой.

Не менее разрушительной стала внутренняя палестинская усобица 1938-1939 годов. Раздробленные отряды облагали бедные сёла поборами, а политический штаб муфтия в Да-

маске развернул охоту на реальных и мнимых «предателей», выплачивая до ста палестинских фунтов за убийство влиятельных соперников. В ответ клан Нашашиби и часть запуганных деревень при прямой поддержке и вооружении британской армии создали «отряды мира» (*фасаиль ас-салам*), выслеживавшие повстанцев. В последний год восстания сотни арабов погибли от рук других арабов.

Итоговая статистика трёхлетней войны, восстановленная позже историком Валидом Халиди на основе британских отчётов, звучит как приговор эпохе. Из 19 792 арабских потерь погибли 5032 человека (3832 от действий британских сил и около 1200 во внутриарабском терроре) и 14 760 получили ранения. До десяти процентов взрослого мужского арабского населения в возрасте от двадцати до шестидесяти лет было убито, ранено, арестовано или изгнано. Британские силы потеряли 262 человека убитыми и около пятисот пятидесяти ранеными; потери еврейского населения составили от трёхсот до пятисот человек. К осени 1939 года, после гибели в бою главного командира Абд ар-Рахима аль-Хаджа Мухаммада, восстание было подавлено.

5. Комиссия Вудхеда, Сент-Джеймсский дворец и Белая книга 1939 года

Пока в горах шли зачистки, в Лондоне убедились, что схема Пиля не работает. Техническая комиссия сэра Джона Вудхеда, работавшая в Палестине с апреля по август и опубликовавшая отчёт в ноябре 1938 года, признала раздел политически, административно и финансово невыполнимым: при любой разумной границе внутри предложенного еврейского государства оставалось около сорока девяти процентов арабского населения, а на массовую принудительную депортацию британский кабинет идти не хотел. К пересмотру политики Невилла Чемберлена толкала и надвигавшаяся Вторая мировая война: восстание сковало десятки тысяч солдат, а Лондону требовался спокойный тыл в Египте, Ираке и среди мусульман Британской Индии.

С 7 февраля по 17 марта 1939 года в парадных залах Сент-Джеймсского дворца в Лондоне прошла Круглая конференция по Палестине. Вместе с палестинскими делегатами (от сторонников муфтия и клана Нашашиби) и Еврейским агентством во главе с Хаимом Вейцманом и Давидом Бен-Гурионом в Лондон пригласили правительства Египта, Ирака, Саудовской Аравии, Йемена и Трансиордании. Сам

состав участников закреплял превращение палестинского вопроса в общеарабскую проблему. Однако арабские делегаты отказались садиться за один стол с сионистами, так что министру колоний Малькольму Макдональду пять недель пришлось вести раздельные беседы. Через два дня после захвата Германией остальной части Чехословакии конференция закрылась без договора.

Семнадцатого мая 1939 года Лондон навязал собственное решение, выпустив Белую книгу Макдональда (документ Cmd 6019), утверждённую Палатой общин 268 голосами против 179. Документ совершал резкий разворот. Британия прямо заявила, что не стремится превращать Палестину в еврейское государство вопреки воле коренного населения. В течение десяти лет предполагалось создать единое независимое палестинское государство, связанное союзным договором с Лондоном, где власть распределялась бы на представительной основе. Еврейская иммиграция ограничивалась семьюдесятью пятью тысячами человек за пять лет, после чего дальнейший въезд зависел от согласия арабского большинства, а продажа земли евреям в большей части страны запрещалась или жёстко ограничивалась.

Для сионистского движения в канун Холокоста и после провала Эвианской конференции 1938 года, показавшей нежелание западных держав принимать еврейских беженцев, Белая книга прозвучала как жестокое предательство. Мандатная комиссия Лиги Наций сочла новый курс отступлени-

ем от прежних обязательств. Давид Бен-Гурион сформулировал двойную стратегию на годы войны: помогать Британии против Гитлера так, будто Белой книги не существует, и бороться против Белой книги так, будто нет войны. К концу войны это отчуждение переросло в открытое вооружённое подполье уже против самой британской власти.

Трагедия же палестинцев состояла в том, что они не сумели удержать даже эту запоздалую уступку. Изгнанный ВАК под диктовку муфтия Хадж Амина аль-Хусейни в июне 1939 года отверг Белую книгу, требуя немедленной независимости и мгновенного закрытия въезда. Умеренная партия клана Нашашиби приняла документ с оговорками, а многие рядовые жители, как писал позже биограф муфтия Филип Маттар, готовы были согласиться на условия, позволявшие остановить раздел и сохранить большинство на родной земле. Но у общества уже не осталось ни авторитетных институтов, ни сплочённости, чтобы поправить курс изгнанного вождя, который вскоре совершит ещё более роковой шаг, связав свою судьбу с нацистским Берлином.

Показательно и то, как менялись общественные настроения внутри обеих общин перед самой войной. В еврейском ишуве Белая книга 1939 года окончательно подорвала доверие к британским обещаниям и убедила даже умеренных политиков, что надеяться можно только на собственные вооружённые силы и нелегальную иммиграцию («Алия Бет»), спасавшую беженцев из охваченной нацизмом Европы вопре-

ки квотам. Среди палестинских арабов царили усталость, горечь и ощущение предательства со стороны как Лондона, так и соседних арабских столиц, на словах обещавших поддержку, но на деле преследовавших собственные династические расчёты.

Как подчёркивали и израильский историк Бенни Моррис, и палестинский историк Рашид Халиди, главным итогом 1917-1939 годов стала глубочайшая асимметрия сил перед решающим столкновением 1947-1948 годов. За двадцать лет Мандата Британия лишила палестинское большинство политических прав ради исполнения Декларации Бальфура, затем подавила его восстание военной силой, а когда в 1939 году передумала из-за мировой войны, палестинская экономика уже была разорена, деревни обезоружены, лучшие командиры погибли, а элита расколота. Еврейский же ишув вышел из тридцатых годов с закалённой подпольной армией, собственной промышленностью и готовыми государственными институтами. Эта разница в запасе прочности во многом предопределила трагедию 1948 года.

Словарь параллельных смыслов. 1899-1939 годы

В израильской исторической традиции сорок лет от Базельского конгресса до начала Второй мировой войны предстают как героическая эпоха первопроходчества: осушение болот, строительство Тель-Авива и кибуцев, возрождение культуры на иврите и вынужденная самооборона «Хаганы»

от арабских погромов 1920, 1921, 1929 и 1936-1939 годов на фоне нарастающей смертельной угрозы еврейству Европы. Белая книга 1939 года остаётся в этой памяти жестоким британским предательством перед лицом Холокоста.

В палестинском историческом сознании те же сорок лет описываются как время первой системной войны против коренного общества. Несправедливость Декларации Бальфура, отказавшей большинству в политических правах, вытеснение феллахов при скупке крупных поместий и беспощадное колониальное подавление восстания 1936-1939 годов, стоившее палестинцам десятой части взрослого мужского населения, воспринимаются как преднамеренный демонтаж палестинского общества ещё до того, как в 1948 году произошла Накба.

Глава 2. План раздела 1947 года и Накба 1948 года

1. Война в Европе, тень Холокоста и кризис Мандата (1939-1947)

Первого сентября 1939 года началась Вторая мировая война, на шесть лет изменившая судьбу всего мира и окончательно сломавшая хрупкое равновесие в Палестине. На первый взгляд годы мировой войны принесли стране относительное затишье после кровопролития 1936-1939 годов. Палестина превратилась в важную тыловую базу британских войск, оборонявших Египет и Суэцкий канал от итало-германского наступления в Северной Африке. Военные заказы оживили сельское хозяйство и лёгкую промышленность, выросли порты Хайфы и Яффы, появились новые дороги и мастерские. Но под внешней тишиной две общины, жившие в стране, развивались в противоположных направлениях, и разрыв между их возможностями к концу войны стал почти непреодолимым.

Для еврейского ишува военные годы стали временем мобилизации и промышленного рывка. Следуя формуле Дави-

да Бен-Гуриона, еврейское руководство помогало Лондону громить нацизм, несмотря на жёсткие ограничения Белой книги 1939 года. Около тридцати тысяч палестинских евреев вступили добровольцами в британскую армию, а в 1944 году была сформирована отдельная Еврейская бригада, получившая фронтовой опыт в Италии. Одновременно внутри страны крепла подпольная армия «Хагана» и её элитные ударные роты «Пальмах», созданные в 1941 году при британском участии на случай немецкого прорыва через Сирию. В тылу заработали собственные цеха по выпуску боеприпасов и миномётов, окрепла система мобилизации и разведки. По мере того как в Палестину начали доходить страшные вести о Холокосте в оккупированной нацистами Европе, в еврейском обществе утвердилось убеждение: спасение уцелевших невозможно доверить ни одной чужой державе, и создание независимого еврейского государства превратилось из далёкой мечты в вопрос физического выживания.

В совершенно ином состоянии находилось палестинское арабское общество. Обескровленное разгромом восстания 1939 года, оно провело годы Второй мировой войны в политическом оцепенении. Легальных общенациональных партий не существовало, значительная часть прежних полевых командиров погибла или жила в изгнании, а деревни были разоружены британскими войсками. Попытки умеренных кругов из лагеря Нашашиби и молодых интеллектуалов заново собрать политический центр натыкались на отсутствие

признанного руководства. Ещё более тяжёлый удар по репутации палестинского дела нанёс сам бывший великий муфтий Иерусалима Хадж Амин аль-Хусейни. Бежав из Ливана в Ирак, он в 1941 году поддержал антибританский переворот Рашида Али аль-Гайлани, а после его поражения перебрался в нацистский Берлин. Там муфтий встречался с Адольфом Гитлером, вёл радиопропаганду на арабском языке и участвовал в вербовке мусульманских добровольцев для соединений СС на Балканах. Хотя подавляющее большинство палестинских арабов не имело никакого отношения к берлинской авантюре муфтия, а около двенадцати тысяч арабов сами служили в британских вспомогательных частях, союз аль-Хусейни с нацистской Германией на долгие годы стал мощным козырем для противников палестинской государственности.

С окончанием войны в 1945 году в Европе сотни тысяч евреев, переживших нацистские лагеря смерти и послевоенные погромы в Восточной Европе, оказались в лагерях для перемещённых лиц в Германии, Австрии и Италии. Президент США Гарри Трумэн, поддерживавший сионистские требования и испытывавший давление американской общественности, потребовал от нового лейбористского правительства Великобритании немедленно выдать сто тысяч сертификатов на въезд в Палестину. Однако Лондон, опасавшийся потерять позиции в арабском мире и защитить нефтяные интересы в Ираке и Иране, упорно держался за квоты Белой

книги 1939 года. Королевский флот перехватывал переполненные суда с нелегальными переселенцами у берегов Палестины, а с 1946 года начал отправлять задержанных в лагеря интернирования на Кипре, через которые прошли около пятидесяти трёх тысяч евреев.

Ответом на закрытые ворота стало открытое еврейское восстание против британской власти. Осенью 1945 года три подпольные организации, «Хагана», «Иргун» Менахема Бегина и радикальная группа «Лехи», создали единое Движение еврейского сопротивления, развернувшее диверсии против железных дорог, мостов, радарных станций и британских патрулей. Когда в июне 1946 года британцы в ходе «Чёрной субботы» арестовали тысячи деятелей ишува и изъяли документы Еврейского агентства, «Иргун» при первоначальном согласии «Хаганы» ускорил подготовку громкой акции в Иерусалиме. Двадцать второго июля 1946 года бойцы «Иргуна» заложили около трёхсот пятидесяти килограммов взрывчатки в подвале отеля «Царь Давид», где располагались секретариат мандатной администрации и штаб британских войск. Взрыв обрушил южное крыло здания. Погиб девяносто один человек, среди которых были сорок один палестинский араб, двадцать восемь британских граждан и семнадцать евреев. Вскоре после этого теракта, вызвавшего шок в Лондоне, «Хагана» вышла из союза с подпольщиками, но «Иргун» и «Лехи» продолжали атаки вплоть до ухода англичан.

Дипломатические попытки спасти Мандат зашли в тупик. В январе 1946 года была создана совместная Англо-американская следственная комиссия из двенадцати человек, которая объехала лагеря беженцев в Европе и побывала в Палестине. В своём докладе от 20 апреля 1946 года комиссия единогласно рекомендовала немедленно впустить сто тысяч еврейских беженцев, но одновременно решительно отвергла создание как еврейского, так и исключительно арабского государства, предложив сохранить международную опеку под лозунгом, что ни еврей не должен господствовать над арабом, ни араб над евреем. Президент Трумэн одобрил лишь пункт о ста тысячах переселенцев, отклонив остальной доклад, а арабские лидеры отказались принять новую волну иммиграции. Провалился и летний план Моррисона-Грэди, предлагавший федеративную автономию. К началу 1947 года экономически истощённая послевоенная Британия, державшая в Палестине до ста тысяч солдат и полицейских и терявшая контроль над ситуацией, приняла решение передать неразрешимую проблему в руки недавно созданной Организации Объединённых Наций.

2. От комиссии UNSCOP к Резолюции 181: математика раздела (1947)

В феврале 1947 года министр иностранных дел Великобритании Эрнест Бевин объявил в парламенте, что Лондон возвращает мандат на Палестину Организации Объединённых Наций без рекомендаций о том, как именно следует решить конфликт. На первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в апреле-мае 1947 года пять арабских государств, Египет, Ирак, Ливан, Саудовская Аравия и Сирия, безуспешно попытались поставить на голосование вопрос о немедленном прекращении Мандата и провозглашении независимости единой Палестины. Вместо этого Ассамблея учредила Специальный комитет ООН по Палестине (UNSCOP) из представителей одиннадцати стран, не входивших в число великих держав: Австралии, Гватемалы, Индии, Ирана, Канады, Нидерландов, Перу, Уругвая, Чехословакии, Швеции и Югославии.

Три месяца работы комиссии UNSCOP летом 1947 года стали наглядным примером того, как по-разному две стороны использовали дипломатическую сцену. Еврейское агентство приняло членов комиссии со всей серьёзностью, организовало поездки по заводам и кибуцам, представило подробные экономические расчёты и позаботилось о том, чтобы подкомиссия UNSCOP посетила лагеря перемещённых

лиц в Европе, где делегаты увидели десятки тысяч уцелевших в Холокосте евреев, рвавшихся в Палестину. Именно в те же июльские недели 1947 года британцы перехватили у берегов Палестины переполненное судно «Эксодус-1947» с четырьмя с половиной тысячами еврейских беженцев и насильно отправили его обратно в Германию. На членов комиссии эта драма произвела глубокое впечатление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.